ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ

С.В. СИРОТКИН

О ПОЧИТАНИИ МОЩЕЙ ОТЦА СОФОНТИЯ

Отец Софонтий – в прошлом знаменитый старообрядческий учительный старец, живший в Петровское время, был основателем Духова скита в истоках р. Песочной (ныне – близ д. Деяново и поста ГАИ на шоссе Н. Новгород – Киров, у Деяновского железнодорожного переезда на г. Семёнов). Долгое время он благословлял постриг в старообрядческие пустыни. Наравне с Арсением, Варлаамом, Ефремом, Серапионом и другими учителями его могила была одной из наиболее посещаемых богомольцами на Керженце.

По-видимому, почитание мощей керженских отцов началось вскоре после их смерти. Прямых свидетельств поклонения старообрядческим учителям в первой половине XVIII в. нет, но сохранился поздний документ, датированный 1843 г., автором которого был протоиерей с. Воскресенского на р. Ветлуге, что в Макарьевском уезде Нижегородской губ. Документ представляет собой антистарообрядческий труд под заглавием «Борьба на брегах реки Ветлуги и озера Светлояра против летописца Великокитежскаго, произведенная села Воскресенскаго протоиереем Петром Семеновым Смирновым». В дальнейшем вышеписанное сочинение было передано преосвященнейшему Иоанну, епископу Нижегородскому и Арзамасскому. В документе сообщается: «От числа соловецких бродяг святопочитаемые были беглецы: 1-й – Арсений, имевший келью свою на правом берегу реки Санахты, прямо Семенова при завороте моста. По смерти его погребено тело его тут же, чрез несколько лет кости его выняты из земли, собраны в новый гроб. Построена была часовня с амвоном, на котором стоял тот же гроб и почитаем был за великую святыню. Пред ним устроен был большой иконописной крест и наместная Казанская икона, писанныя диаконом Городецкой Спасской церкви Александром. По сему предмету множество стекалось тут поклонников. Все было терпимо, но когда прибыл на Нижегородскую епархию истинный поборник благочестия, великий ревнитель архиепископ Питирим, грозный преследователь раскола, тогда, убоявшись праведного его суда, донесено было о том соблазне его сведению, чрез которое по распоряжению гражданскому часовня и гроб сожжены, пепел развеян по аэру, но чтителями его отыскивались части костей и почитались святыми мощами; да и место часовни почиталось святынею. И крест, и икона взяты в церковь, кои во оной хранятся и поныне, и более прочих почитаются молебствиями. Когда же преобразовалось село Семеново в город, тогда на месте Арсениевой часовни построен выездной кабак, и тем оный соблазн пресекся» (1).

Несмотря на поздний характер сообщаемых протоиереем Смирновым сведений, особых оснований для недоверия этому источнику нет. Дело в том, что род Смирновых связан с Нижегородским Заволжьем ещё с конца XVII в., прадед его известен был лично Питириму, а другая ветвь рода перешла из священнослужителей в крестьянское сословие и проживала в селе, а затем г. Семёнове под фамилией Прыгиных. В документах 20-х годов XVIII в. упоминается о кельях на правом берегу р. Санахты пред самым с. Семёновом. По утверждению воскресенского протоиерея, Софонтиева гробница осталась в целости только благодаря тому, что Питирим не знал о её местонахождении, а его приспешники по каким-то причинам ему о мощах ничего не сообщили.

Попытки упорядочить нормы захоронений и привести погребения хоть к какому-то единообразию предпринимались официальной церковью неоднократно. Так, в документах Синода сохранился перечень именных указов, поступивших в высшее церковное учреждение с 1721 по 1723 гг. В «ведении» за 10 апреля 1722 г. за подписанием синодальных членов сказано следующее: «Обретающияся в Москве и в городех у приходских церквей, также и в монастырех, положенные над гробами погребенных тамо человеческих телес камни неуравненно с землею лежащие, окопав опустить в землю, дабы с положением места лежали равно, а вырезанное на краях оных камней о тех погребенных известие позволить вырезать на поверхностях тех камней, а к надлежащему уравнению неудобовместные употребить в церковное строение, и впредь тех камней святым церквам от того неуравненнаго положения безобразие наносящих и регулярному воинскому в церемониалном высокочестных персон погребении провождающему строю за невмещением от тех камней места препятствующих не класть» (2). 4 ноября 1723 г. состоялся изустный указ им-

ператора Петра I о запрещении употребления дубовых гробов с целью экономии дуба (3).

Несмотря на, казалось бы, принятые меры, строительство гробниц продолжалось. В 1769 г. священник Воскресенской церкви, что на Озе, Никифор Еплов, рапортом объявил, что в Кологривском уезде Костромской епархии «при церквах на многих могилах построены деревянные гробницы, на коих де инде и кресты воздружены не точию на знатных персонах, но и на крестьянстве, особливо ж великое и многое камение накладено, да и впредь строить таковыя гробницы многия прихоженя вознамериваются». На таковое его доношение последовал в том же году указ из Костромской консистории о запрещении подобного рода строений (4).

Вопрос о почитании мощей старообрядческих отцов поднимался на «Перемазанском» старообрядческом Соборе 1779–1780 гг.: «И слышашеся разсуждение Никиты Павлова о нетленных мощех на Керженце и Иргизе». В ответ на противоположные доводы Никита Павлов приводил в пример «стариков керженских, по сту лет имущих, яко тии тако пересказывают» (5). Первое свидетельство о почитании отца Софонтия относится к концу XVIII в. (вероятнее всего к 1770–1780-м годам). В письмах бывшего старообрядца, отринувшего истинную веру жителя с. Поречья Ростовской округи, Гавриила Верёвкина говорится о его знакомце, зажиточном крестьянине и бургомистре Василии Петровиче Патине, уроженце с. Городца Балахнинского уезда Нижегородской губ. Патин, в прошлом придерживавшийся старой веры, к 1790-м годам перешёл на сторону официального православия. Отказ его от старообрядчества был серьёзным успехом городецкого духовенства, ибо, несомненно, бурмистр обладал влиянием на умы городчан. О Патине известно немного. Была у него ещё сестра-вдова, занимавшаяся деревянной посудой. Умер бывший старообрядец в 1801 г. Об этом сообщается в городецком летописце И.О. Московкина: «1801 года марта 10 дня графа Орлова села Городца бурмистр Василей Петров Патин. Определен в бурмистры в 1774 году, а сменен в 1801 году. Начальствовал 26 лет. На место его определен Тихон Васильев Колотилов» (6). Поскольку одно из последних писем Верёвкина датировано 1793 г., то, следовательно, событие, описанное автором письма, относится, возможно к 1780-м, а скорее всего, к 1770-м годам: «Нам благочестивы и добродетелны муж села Городца бурмистр Василей Петров сын Патин, егда де он был еще в расколе, тогда велми славяшася на Керженце прежде умерши старинны поп Софонтий, живши ещё в лета Никона патриарха, но от церкви святой отлучившийся, и проповедывали о нем тамошния расколники, что поп Софонтий, якобы свят, и мощи ево нетленны. Тому же Патину возжелалось о том допряма испытати, избрав время и в глубоконощие на то кладбище и с работники своими могилу ту розрыл, и найдя гроб попа Софонтия, сам он осмотрел, и точа оказалось все согнившесе и истлевшее в прах. О сем уведавше, расколники на него, Патина, яряхуся и зломысляща нечто многое» (7).

Даже с точки зрения человека нашего времени, поступок бурмистра, потревожившего прах давно умершего священноинока, не что иное как святотатство, и является неприемлимым для верующего человека. Поэтому и неудивительно, что против осквернившего могилу почитаемого в среде старообрядцев старца выступали недовольные. Впрочем, Патину это нисколько не помешало активно бороться с приверженцами старой веры. Обратим внимание, с каким наслаждением он сообщает подробности мучительной смерти одного из беглых старообрядческих священников своему приятелю Гавриилу Верёвкину. Последний воспроизвёл этот факт в одном из писем: «Еще оны же бурмистр Василей Патин в присланном от него к нам писме от 15-го числа декабря 793 года протчим уведомляет сице: у нас находящейся у расколников беглой поп Григорей ноября 23 дня бывши здоров, и при обеде вдруг ево ухватило, что изнутри розорвало в паху, и у тайнаго уда кишки вывалились и от того вскоре и умре. И так ево Бог наказал, что многим удивительно» (8).

Вторым по времени свидетельством почитания Софонтия является рассказ протопопа Петра Семёновича Смирнова с. Воскресенского Макарьевского уезда Нижегородской губ. В уже упоминавшемся труде «Борьба на брегах реки Ветлуги и озера Светлояра против летописца Великокитежского» он писал: «Второй от соловецких бродяг – Софонтий, так же святопочитается и ныне, и навещается весма многими поклонниками. И даже ветлужские обыватели отходят к нему во множестве на отдание Пасхи, и граждане в Духов день, прогуливаются к нему иногда и господа. Гроб его близь трактовой дороги в 5 или в 6 верстах на деяновском лесу. Над прахом его гробница с довольным окном, пред гробницею скитские волокиты поют молебны и панахиды, чтут псалмы и каноны. Поклонники чрез окно достают привязанным к жезлу ковшом песок и относят в домы. В мою бытность в городе был там в числе дворян уездной секретарь Дмитрий Степаныч Шнитников, что после был советник губернского правления, с собакою Пижон. Та, сунувшись в окно с нюханьем, туда опрокинулась, и была вытащена силою

служителей. Вот какова яма! Она дополняется сторонним песком и ежегодно выносится, но до святца дойти не могут. Так как сие место не было объявлено архипастырю Питириму, имевшему сильное полномочие ко истреблению соблазнов и суеверий, то и остается оное и поныне местом соблазна и местом претыкания» (9).

П.И. Мельников-Печерский в романе «В лесах» описал посещение гробницы Софонтия в середине XIX в. келейными жительницами на Духов день:

«– Куда Бог несет? – спросила Манефа.

– Имею усердие отцу Софонтию поклониться, – ответил Василий Борисович. – Завтра, сказывают, на его гробнице поминовение будет, так мне бы оченно желательно там побывать.

– Доброе дело, Василий Борисович, доброе дело, – одобрила московского посланника Манефа. – Побывай на гробнице, помяни отца Софонтия, помолись у честных мощей его... Великий был радетель древлего благочестия!.. от уст его богоданная благодать яко светолучная заря на Керженце и по всему христианству воссияла, из рода в род славна память его!.. Читывал ли ты житие-то отца Софонтия?

– Не приводилось, матушка, – ответил Василий Борисович. – Очень оно редкостно. Сколько книг не прочёл, сколько ,,сборников“ да ,,цветников“ на веку своём ни видал, ни в одном Софонтиева жития не попадалось.

– Сказание о житии преподобного отца нашего Софонтия и отчасти чудес его точно что редкостно; мало где найдётся его, – молвила Манефа. – Ты послушай-ка, вот я расскажу тебе про него, про нашего керженского угодника, про скитского молитвенника преподобного и богоносного отца нашего Софонтия... Был священноиноком в Соловецкой киновиии, крещение имел старое, до патриарха Никона, хиротонию же новую, от новгородского Питирима. Пришёл отец Софонтий в здешние страны и поставил невеликий скиток неподалёку от Деянова починка в лесу. Первый он был в здешних лесах священник новой хиротонии. С него и зачалось «бегствующее» от великороссийской церкви священство. А до пришествия Софонтия на Керженец, на Смольянах, у бояр Потёмкиных да у Салтыкова, жил чёрный поп Дионисий Шуйский, пребывая в великом подвизе, да Трифилий иерей, пришедый из Вологды, да чёрный поп Сергий из Ярославля. И те отцы старого рукоположенья соборне прияли отца Софонтия... И жил отец Софонтий в здешних лесах немалое время, право правящее слово истины... Церковные обычаи утвердил, смущения и бури на церковь Божию, от Онуфрия воздвигнутые, утишил, увещающее возмутителей и приводящее им во свидетельство соборные правила... Подвиги же его духовные и труды телеснии кто исповесть?.. И по мнозех подвизех течение сверши – ко Господу отыде... И честные мощи его нетленны и целокупны во благоухании святыни почивают... Великие исцеления подают с верою к ним притекающим. И в том все христиане в наших лесах уверены довольно.

Неподалёку от д. Деянова, в стороне от большой дороги, стоят два деревянных креста, каждый сажени по полторы вышиной. От этих крестов в глубь леса идёт узенькая тропинка. Конного езду туда нет.

Пройдя без малого версту по этой тропе, встретится поляна, поросшая лесными травами. Середи её ветхий, полусгнивший голубец с тесовой крышей на два ската. Скат, обращённый к северу, от старости почти сплошь порос серо-зелёным ягелем. Под нижним венцом голубца много ям, нарытых руками богомольцев, бравших песок ради целения от недугов. Рядом с голубцем возвышаются саженные старые деревянные кресты, а меж ними вросла в землю невысокая часовенка; в ней на полке несколько облинявших образов. В стороне неглубокий колодезь. Вода его тоже слывёт в народе целебной. Больше нет ничего на поляне. Лишь крапива напоминает, что когда-то тут было жильё.

Это гробница Софонтия.

Пусто теперь место, где, укрываясь под сенью дремучего леса, когда-то стояла невеликая, но по всему Керженцу, по всему старообрядству славная обитель соловецкого выходца Софонтия... Зимой всю поляну снегом заносит; из сугробов не видать ни гробницы, ни часовенки, только верхушки крестов немного заметны... Летом ходят сюда на поклонение отцу Софонтию, но редко... Большие сборища бывают только на Духов день... Разорённая Питиримом часовня Софонтьева скита ставлена была во имя этого праздника, и, по скитскому обычаю, ежегодно на этот праздник сбирались к Софонтию прихожие богомольцы, для них поставлялись у него столы с великими кормами и чинились великие учреждения (угощение). В память того праздника и тех кормов до сих пор ежегодно на Духов день собирается сюда окрестный и дальний народ.

Запустело место, где жил отец Софонтий, куда сходились на соборы не только отцы с Керженца и со всего Чернораменья, но даже из дальних мест, из самой зарубежной Ветки. Запустело место, откуда выходили рьяные проповедники ,,древлего благочестия“ в Прикамские леса, на Уральские бугры и в дальнюю Сибирь ,,Кержаками“ доныне в тех местах старообрядцев зовут, в память того, что зашли

они туда с Керженца, из скитов Софонтьева согласия.

Запустело место, где Софонтий боролся с соседними онуфрианами, чтившими за свято богоборные письма Аввакума о Пресвятой Троице. Запустело место, где Софонтий отстоял самостоятельность Керженца, не покоряясь зарубежной Ветке... Процвела во дни Софонтия пустыня, им насаждённая, и не дожил он до грозного дня, когда, по повелению Питирима, капитан Ржевский послал из Нижнего рассыльщиков по брёвнам разнести и часовни и кельи обительские.

Ещё утренняя заря не разгоралась, ещё солнышко из-за края небосклона не выглядывало, как на большой дороге у Софонтьевых крестов одна за другою зачали становиться широкие уёмистые скитские повозки, запряжённые раскормленными донельзя лошадьми и нагруженные пудовыми пуховиками и толстыми матерями.

Это был первый летний сбор келейниц на одном месте. Чинны и степенны были их встречи. По-заученному клали они друг перед другом низкие поклоны, медленно ликовались и невозмутимо спрашивали одна другую ,,о спасении“. Разговоры велись не долгие, все спешили пешком к гробнице Софонтия.

Там по всем полкам часовенки наехавшие матери расставили ярко горевшие золочёные иконы, украшенные жемчугами и самоцветными камнями, понавешали под ними бархатные, парчовые и атласные пелены, расставили подсвечники и зажгли в них не одну сотню свеч. Гробницу также покрыли пеленами. Клубы дыма от росного ладана наполняли часовню и голубыми струями вились из неё по свежему утреннему воздуху... Началась служба... Громкое пение нескольких десятков съехавшихся изо всех обителей певиц оглашало пустынное место... Уже совсем обутрело, и оправляемая на гробнице служба подходила к концу, когда толпы народа в праздничных нарядах стали мало-помалу сходиться на поляну. Ситцевые и кумачные рубахи деревенских парней и разноцветные сарафаны молодиц и девиц смешались с чёрными рясами келейниц... Пёстрая толпа вскоре сделалась ещё разнообразней. Пришли горожане. Все приходившие молились у гробницы, брали песочку, иные отламывали кусочки гнилушек от голубца, а потом шли умываться к целительному кладезю, по преданью, ископанному руками самого Софонтия.

Скитские матери только что кончили службу, загасили в часовенке свечи, сняли образа и пелены и всё отнесли к повозкам. Когда пришла на поляну праздничная толпа, и часовня и гробница имели уже обычный свой вид. На поляне скоро стало тесно. Народ разбрёлся по лесу.

Сжавшись в кучку, матери держались в сторонке. Рассевшись в тени меж деревьев, поминали они преподобного отца Софонтия привезёнными из обителей яствами и приглашали знакомых разделить с ними трапезу. Отказов не было, и вскоре больше полутораста человек, разделяясь на отдельные кучки, в строгом молчанье ели и пили во славу божию и на помин души отца Софонтия... Деревенские парни и горожане обступили келейниц и, взглядывая на молодых старочек и на пригоженьких белиц, отпускали им разные шуточки.

А вот в стороне от гробницы городской торгаш раскинул крытый парусинным шатром подвижной стол с орехами, пряниками, рожками и другими ,,гостинцами“... С другой стороны Софонтьевой поляны появился такой же стол и такой же парусинный шатер с варёной печёнкой, со студенью и другими закусками, с расписными жбанами ядрёного квасу и с мягкими, обоих концов востроносыми сайками, печёнными на соломе... Рядом юркий целовальник из елатомцев, в красной александрийской рубахе и плисовых штанах, поскрипывая новыми сапогами, расставлял на своём прилавке полштофы и косушки, бутылки с пивом и мёдом... Весёлый говор сменил только что стихшие заупокойные стихеры. Где-то в лесу послышалась гармоника, забренчала балалайка. Кто-то залился громкой залихватской песнью, к нему пристали десятки мужских и женских голосов. Раздался выстрел из мушкетона, другой, третий... Матери подобру-поздорову долой с Софонтьевой поляны, где народное гульбище стало разыгрываться нараспашку.

Вплоть до позднего вечера продолжался широкий разгул поклонников Софонтия. Хороводов не было, зато песни не умолкали, а выстрелы из ружей и мушкетонов становились чаще и чаще... По лесу забродили парочки... То в одном, то в другом месте слышались и шелест раздвигаемых ветвей, и хруст валежника, и девичьи вскрикивания, и звонкий весёлый хохот Так кончились Софонтьевы помины» (10).

Гробницу Софонтия описал посетивший её нижегородский историк Гацисский*: «У ма-

*Софонтий, известный в истории расколоучитель, вышел в Заволжье из Соловков. Здесь, на месте теперешней своей могилы, он основал обитель и стал во главе так называемого «софонтиева согласу», не признававшего богопротивные письма Аввакума о Троице и спорившего с соседними онуфриянами; Софонтиева обитель была, уже по смерти своего основателя, разорена Питиримом, в числе 77 скитов, когда раскольников жгли на кострах, в Пафнутове, а голова Александра-дьякона пала под секирой палача в Нижнем, на Нижнем базаре) — *примечание Гацисского.*

тушки Манефы познакомился я с лестовочником Исайей Лукичем, с которым условился съездить на другой день на Софонтиеву могилу, в лесу, верстах в пяти от Семёнова, у деревни Деяновой...

От повёртки направо, считая от Семёнова, тропинка в лесу так сузилась, что ехать дальше уже нельзя было, тем более, что возница наш не ручался за бревенчатый мосток, сажен в 20 длиною, перекинутый через топкое место у речки Песочной, и мы пошли к Софонтию пешком...

Скоро дошли мы до лесной полянки, огороженной невысоким частоколом; посреди её, в виде большого сруба, который иногда ставится над колодцами, с двускатной крышей, с покачнувшимся восьмиконечным крестом на коньке, стоит часовня. Мы вошли в нее. Исайя Лукич сотворил ,,семипоклонный начал". Налево от входа – огороженная могила Софонтия, ,,честного старца" с большим восьмиконечным крестом; перед могилой расшатавшийся аналой, покрытый домотканкой; на полу несколько подручников – подушечек из кусков разного ситца, употребляемых при земных поклонах – метаниях; на стене, противоположной входу, длинная полка с десятками двумя старых почерневших образов; по стенам кое-где надписи углём и мелом, большею частью духовного содержания, или различные отметки с числами, вроде тех, которые можно во множестве видеть в Германии, на развалинах рыцарских замков.

Вправо и влево от софонтиевой часовни стоят под сенью деревьев ещё несколько могил в виде маленьких полуразрушенных амбарчиков или в виде свежих насыпей, покрытых дёрном, так как и теперь иногда здесь хоронятся люди древляго благочестия.

Тихо, хорошо у Софонтия. Только комар свою песню поёт, пчела из соседней борти прожужжит, да аляповато шлепнётся о вашу щеку слепень... А лет 30 тому назад здесь иногда бывали шумные гулянки, особенно в Духов-день, когда, по случаю богомолья, здесь и палатки с вином и орехами появлялись, и из ружей палили, да часто друг друга подстреливали... Софонтиева могила, в настоящее время, служит и местом богомолья, и местом прогулки для окрестных жителей деревень и города» (11).

Известный статистик В.П. Безобразов, посетивший в сентябре 1879 г. Семёновский уезд, писал о Софонтии со слов отца Борисовского: «Семёнов, как было упомянуто, одна из самых первоначальных старообрядческих колоний, идущих прямо от времён Никона и потому сохранивших предания старого благочестия во всей чистоте. До сих пор уцелела вблизи от города (в версте, близ д. Деяновой), в лесу, могила одного из его основателей, соловецкого беглеца Сафонтия, чтимого народом за святого; поклониться этой святыне, помолиться в часовне, тут стоящей, унести воды из её колодца и земли с могилы, хоть раз в год, считает своим долгом старообрядческое народонаселение целого обширного края» (12).

В историко-бытовых очерках старообрядчества, написанных С.А. Архангеловым в самом конце XIX в., о ските Софонтия сказано следующее: «Из скитов очень видное место занимает скит Софонтиевский. Он основан был в конце XVII столетия одним Соловецким беглецом Софонтием. Этот Софонтий, долгое время скитаясь по разным селениям Архангельской и Олонецкой губ., около 1677 г. пришёл в Керженские леса Нижегородской губернии. Здесь, по решению собора керженских отцов, он был принят в общество раскольников священноиноком Дионисием, как священноинок, и устроил в 15 верстах от нынешнего г. Семёнова, а от села Пафнутова в трёх верстах, свой скит. Он умер начальником этого скита в первые годы XVIII столетия. О деятельности его в ,,Истории о бегствующем священстве" – читаем такую заметку: ,,труды-же его (Софонтия) и подвиги же к Богу, кто изрещи может". Последователи его погребли тело Софонтия близ его кельи в лесу. Раскольники чтут Софонтия за святого. В Духов день многие из старообрядцев города Семёнова и окрестных селений считают долгом своим побыать у могилы Софонтия, поклониться этой святыне, помолиться в часовне, тут стоящей, унести воды из её колодца и земли с могилы, суеверно приписывая всему этому чудодейственную, целебную силу» (13).

Аналогичная гробница находилась на Серапионовом кладбище – месте упокоения одного из 12 братьев, старообрядцев по вере отца Серапиона. Гробница отца Серапиона находится при дороге между д. Кулагино и Шарино при р. Шарпанка близ её впадения в р. Линда. Местные жители ходили на могилу отца Серапиона на Пасху.

О гробнице отца Серапиона писал в 2006 г. издатель газеты «Старообрядец» С.В. Рудаков: «В фондах Нижегородского центрального архива сохранилось несколько дел об ,,оказательстве раскола" в виде сооружения гробниц на святых могилах. В качестве примера можно привести полицейское расследование по поводу гробницы старца Серапиона. Как и многие другие дела того времени, расследование начинается с доноса местного новообрядческого священника.

Иерей церкви села Пафнутово Семёновского уезда Павел Ганин 20 августа 1891 г. написал рапорт нижегородскому епископу Владимиру. ,,Сим честь имею благопочтительней-

ше донести Вашему Преосвященству, – пишет отец Павел, – что в пределах моего прихода, в 5 верстах от с. Пафнутова, на земле крестьян д. Шарина похоронен в прошлом столетии старец Серапион, которого местные жители-раскольники почитают изгнанником, страдальцем за старую веру и пустынным подвижником. И в память его лжестрадальческих трудов раскольницы скита д. Песочной нынешним летом построили над его могилой деревянную часовню. Далее следует подробное описание этой часовни в виде небольшой избушки с дверью и одним окном, внутри которой на задней стене устроена полка для икон, а посередине находится сруб над могилой Серапиона, над срубом установлен крест с прибитой к нему медной иконой Николы Чудотворца.

,,И вот этим надгробным памятником раскольники и желают воскресить и увековечить имя своего обожаемого лжеинока и лжестрадальца Серапиона, – пишет далее священник. – Эти памятники приносят большой вред для православного народа и ущерб православию“. ,,Я всепокорнейшее прошу Ваше Преосвященство сделать зависящее распоряжение об уничтожении вышеуказанной часовни“, – заключает свой донос отец Павел.

Через 2 недели, 3 сентября, епископ Владимир обращается к губернатору с просьбой сломать гробницу. По его распоряжению семёновский исправник 10 сентября отправился на место и 18 сентября в своём рапорте доложил о сломе часовни: ,,В полуверсте от д. Шариной действительно произведена в июне месяце новая постройка, состоящая из бревенчатого в четыре стены сруба. На этом месте более ста лет погребён старообрядческий инок Серапион, над могилой его была устроена бревенчатая гробница, которая от времени вся истлела и летом выстроена вновь крестьянином д. Кулагиной Алексеем Опариным, во время Святой Пасхи раскольнические старицы из д. Песочной приходят петь пасхальные каноны... Амбар, изображавший собою часовню, уже сломан, что же касается надгробного памятника, построенного в виде гробницы, то я оставил его нетронутым, так как подобных памятников в Семёновском уезде очень много и если сломать этот, то нет оснований оставлять и другие, между тем уничтожение этих памятников, чтимых раскольниками, может возбудить ропот в народе, так как, в сущности, они вреда по отношению к православию никакого не приносят и самое заявление священника Ганина ни на каких фактах не основано и происходит больше из желания показать пред его начальством свою деятельность“.

Таким образом, светские власти в данном случае не пошли навстречу желаниям духовенства, продемонстрировав куда большую терпимость к староверию и его святыням, чем православные священники» (14).

Бытописатель керженского края священник с. Богоявления П. Шумилин в начале XX в. также оставил воспоминания о посещении Духова скита: «Не доходя версты полторы до Семёнова на большой дороге стоит крест. От этого креста начинается тропинка и идёт, прихотливо извиваясь, в глубь леса, к могиле старца отца Софонтия. ,,Головной“ старик, с которым мы беседовали дорогой, истово перекрестившись, вступил в лес, последовали и мы за ним. Узкая тропинка не давала возможности идти рядом, почему пришлось идти гуськом. Тихо покачивался лес и шелестел верхушками. Изредка близ тропинки попадались кустики поленики, соблазнительно покачивали красными спелыми гроздями. Сосредоточенно шли мои спутники и не обращали внимания на окружающее. Я шёл позади и нередко наклонялся с рукой к поленике. Душистая сочная ягода приятно освежала запёкшиеся губы и пересохший рот...

Тропинка вышла на красивую лужайку, роскошные, как нарочно посаженные, цветы покрывали пёстрым ковром всю зелень. Узкой лентой вился ручеёк, урча по камешкам. Дубовый большой, поросший мохом крест с медным врезанным образком слегка наклонился над ручейком и задумчиво смотрится в его прозрачную воду. Едва заметный холмик под крестом – могила старца отца Софонтия. У подножия могильного холмика, примыкая к ручью, сделан род колодчика. Чистая прозрачная вода в нём, деревянная лакированная чашечка плавает на поверхности, на дне видны мелкие камешки и чистый серебристый песок. Маленький, едва заметный ключ бьёт из-под земли, пребирая чистым песочком.

Мы напились из колодца и присели на траву. Старик достал из котомки тетрадку, написанную полууставом, и начал перелистывать пожелтевшие от времени листы. Через несколько минут он запел заунывным голосом стих, остальные его спутники присоединились к нему. Я склонился на траву, достал памятную книжку, положил мотив на ноты и записал стих...

Давно уже закатилось солнышко, на поляне стало почти темно, темно настолько, что я принуждён был отказаться от дальнейшей записи стихов. Напрягая всё зрение, я не мог уже разглядеть, что время от времени ощупью старался занести в памятную книжку.

Пение ненадолго стихло. Собрали все сообща целый ворох хворосту и валежнику. Развели небольшой костёр, который и попросили меня (как никонианина) поддерживать, а сами, запретив мне отнюдь креститься, запели: ,,Яко

по суху ходив Израиль“ – канон за единоумершего. Тропари читала одна из девиц с припевом ,,Упокой Господи душу усопшаго раба своего священноинока схимника Софонтия“.

Тихо потрескивал костёр. Ровным пламенем горела восковая свеча в руках читающей, освещая могильный крест. Ручеёк продолжал лепетать мелодичным, но совершенно непонятным языком. Тёмными, тёмными глазами смотрел на всю эту картину вековой лес...

– Житейское мо-о-о-ре-э-э, – напевом с большой фитой печальными волнами огласился лес и долго, как-то особенно долго пелась странниками эта шестая песнь. Голоса то тянули в унисон, то как-то рассыпались врозь лишь для того, чтобы неожиданно на секунду слиться; получались дивные комбинации музыкальных звуков. Знаток сам крюкового пения, я, однако, был очарован оригинальным пением старообрядцев. Душа, верно, пела.

Какие дивные картины роились в голове, какие неизведанные чувства перечувствовало сердце. Встали седые картины старины, картины веков минувших, наплыло на память всё, читанное или слышанное когда-либо о жизни в лесах. Воображение рисовало схимника Софонтия с сонмом других ревнителей веры...

Около полуночи закончился канон. Все легли тут же спать и сию же минуту заснули крепким сном. Я после полученных впечатлений не сразу заснул. Комары назойливо твердили ,,друг“ и далеко не дружелюбно заканчивали свои песни. Пришлось крепко-накрепко закутаться в плащ. Заснул совершенно незаметно для себя и проснулся уже перед восходом солнца от странного шёпота рядом с собой. – Глянь-ко, глянь-ко, Сиволодыч! – теребил меня старик. Я мигом откинул плащ и поглядел по указанному направлению. Из леса к ручью вышла матёрая лосица с маленьким лосёнком и наклонилась к зеркальной воде, лосёнок милой рожицей доверчиво смотрел в нашу сторону. Лёгким паром-туманом дымился ручеёк, обильной росой покрылась трава, пахло сыростью. Чуть-чуть чадили головни, оставшиеся от костра.

– На нас глядит тварь Божия! – продолжал старик, показывая на лосёнка. – Откуда это они взялись? Теперь в тутошних лесах редко встетишь лося. А это на-тко, сами пришли попить из святого ручейка на могилку к батюшке отцу Софонтию» (15).

Таковы свидетельства о почитании известного старообрядческого святого в конце XVIII – начале XX вв., которые помогают представить живую традицию «раскольнического» мировоззрения керженского края.

В настоящее время гробница отца Софонтия в своем первобытном виде не сохранилась. На месте захоронения керженского учителя стоит современный металлический памятник, а около него за советское время образовалось небольшое старообрядческое кладбище д. Деянова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.570. Оп.557. Д.116. Л.235–35об.

2. РГАДА. Ф.248. Оп.14. Д.765. Л.596, 599; РНБ РО. Тит.3965. Л.144–144об.

3. РГАДА. Ф.248. Оп.14. Д.767. Л.622–624а об.

4. РНБ. РО. Тит.3965. Л.144об.

5. Сказание о перемазанском соборе 1779–1780 гг. // Братское слово. 1888. Т.2. №14. С.277.

6. ЦАНО. Ф.6033. Оп.1. Д.4. Л.493, 494.

7. РГИА. Ф.834. Оп.3. Д.4059. Л.96.

8. Там же. Л.97.

9. ЦАНО. Ф.570. Оп.557. Д.116. Л.235.

10. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. В 2-х кн. Кн.2 / Примеч. В.А. Грихина. М., 1984. С.11–12, 24–26.

11. Первый шаг: Провинциальный литературный сборник. Казань, 1876. С.250–253.

12. Безобразов В.П. Семёновский уезд Нижегородской губернии и раскольнический мир. Из путевых воспоминаний // Русская мысль. Год четвёртый. Кн.XL. Ноябрь, 1883. Л.147.

13. Архангелов С.А. Среди раскольников и сектантов Поволжья. Историко-бытовые очерки раскола и сектантства в Нижегородском крае. СПб., 1899. С.33–34.

14 Рудаков С.В. Заволжские погосты. Лесные могилы как памятники истории и культуры Нижегородского Заволжья // Записки краеведов /сост. О.А. Рябов. Н. Новгород, 2006. С.41–42.

15. Прилуцкий Ю. (Шумилин). В захолустьях (путевые впечатления). Семёнов, 1917. С.77–82.